

'движения', которые в сочетании с другими признаками отсылают к популярному особенно в немецком романтизме мистическому образу "Великого Полдня" как абсолютного равновесия и гармонии, полноты бытия и теофании (ср. также: "Ты молчишь, Великий Пан, объятый полдневною дремой. Ты безмолвен, в огне сливая и плавя все звуки, слепящий очи сиянием Полдень!"²⁶. Восприятие такой "*роскоши вида*" рождает в "*красавице*" мистическую "*задумчивость*"²⁷, уводящую ее в область бесконечного.

Божественная ночь

В "Майской ночи, или утопленнице" обнаруживаются наиболее интересные метафизические трансформации всех семантических комплексов. Само название повести содержит в "*утопленнице*" тему 'пленницы', а сюжет тематизирует в разных вариантах 'преследование', 'пленение' и 'освобождение'. Повесть начинается с лаконичного описания "*блеска чистого вечера*", включая знакомый набор мотивов - песни, с признаками веселья и уныния, и природного любовного союза ("*задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо*"). Затем дается описание "*украинской ночи*" в начале второй главы, которое, трансформируясь, продолжается в начале пятой, а затем - в начале и конце шестой, завершающей главы. Таким образом, организуется градация перехода от вечера к ночи, а в описании самой ночи - от "*украинской ночи*" к "*божественной ночи*", постепенно меняя уровни восприятия ее метафизических аспектов. Все описания "вечера" и "ночи" мифологизированы и дублируют инициальное описание малороссийского дня в "Сорочинской ярмарке", включая акустическую, световую и эротическую мотивику. Как уже говорилось, "*чистый вечер*" отмечен признаками 'блеска', любовного союза, пения. Описание ночи детализирует эти признаки и переводит "*украинскую ночь*" в ранг '*Божественной ночи*'.

Космический масштаб описания "божественной ночи" включает "необъятный небесный свод" и "всю в серебряном свете" землю. Здесь обнаруживается уже отмеченная нами метафизическая парадигма с мотивным комплексом, отчасти знакомым по "Ганцу Кюхельгартену" и началу "Сорочинской ярмарки": это прежде всего мотивы покоя и тишины ("Недвижно, вдохновенно стали леса", "Тихи и покойны эти пруды", "Все тихо"), сна ("Весь ландшафт спит", "Как очарованное, дремлет на возвышении село <...> Благочестивые люди уже спят"), а также пения, любовной неги и благоуханий, световые мотивы ("месяц", "серебряный свет", "серебряные видения", "белее", "блестят", "ослепительнее", "светятся") и мотив воды. Метафизическая семантизация указанных мотивов актуализируется не только указанием на "божественность" ночи, но всем набором ее признаков, отсылающих к метафизическому контексту. Важно здесь и указание на "необъятное и чудное" состояние души, в глубине которой "стройно возникают" "толпы серебряных видений".

Еще более ощутима мистическая семантизация ночи в пятой главе - это как бы очередная ступень восхождения в мистический мир. Ее описание непосредственно предшествует переходу Левко в сверхъестественную реальность сна-видения. Здесь вновь появляются признаки покоя ("неподвижный пруд", "неподвижные воды пруда"), метафизическая формула "все было тихо" и мотивы 'тихости' и 'молчания' ("Тихо отошел от пруда", "молча подошел", "все в нем (в доме. - С.Г.) было тихо", "сладкую тишину и раздолье ощущал Левко в своем сердце", "окно тихо отворилось", "слезы тихо покатились", "тихий час сумерек"). Это, конечно же, мистическая тишина присутствия высшей сверхчувственной реальности. С ней сочетается мотив пения и любовного "томления и неги". Кроме отмеченных признаков 'тихости', ключевых для метафизических описаний Тихой Вечности Пордеджа, здесь присутствует ва-

лентная им серия признаков: с и я н и е, блеск, свече-
ние, прозрачность, указывающих в мисти-
ческом контексте на признаки Софии - Премудрости Божи-
ей. У Пордеджа говорится, что София "дает свет глубокой
Неизследимости в Тихой Вечности", она - "ясное сияние,
блеск, красота", "сияющий блеск", "светлосветящаяся Си-
ла", "в сей сквозь светящейся красоте нет скверны или
пятна", а ее тело "есть ясное прозрачное тело, светлое <...>
может уподоблено быть <...> стеклянному морю, смешан-
ному с огнем, воздухом и водою"; "Она открывает глубо-
кие тайны <...> есть златый Ключ <...> единственная От-
крывательница в Тихой Вечности" (Пордедж, II, 204-212).
Ср. с "погубившей свою душу девой" в "Страшной мести",
которая "светится сквозь воду, как будто сквозь стеклян-
ную рубашку; <...> щеки пылают <...> она сгорела бы от
любви".

Панночке-утопленнице сопутствуют такие же мотивы
и признаки 'тихости', 'стекла', 'зеркала', 'блеска', 'свечения'
("*блестящие о ч и, т и х о с в е т и в ш и е*"; "*лицо ее как-
то чудно засветилось и засияло*"), "кораллов", "жемчуга",
"рыбы" и "ключа"; она "ясная", "чудна" и "прекрасна". Ее
тело (как и тело ее невинных подруг), так же как "тело"
Софии, чисто и прозрачно, без " пятна". Ср.: "*тело их бы-
ло как будто свято из прозрачных облак и будто светилось
насквозь при серебряном месяце*"; о мачехе-ведьме: "*тело ее
не так светилось, как у прочих: внутри его виднелось что-
то черное*" (I, 176) и т.д. Разумеется, что речь идет здесь о
телесности метафизической, которую Пордедж связывает с
Божественным мраком.

Таким образом, Левко попадает в Тихую Вечность²⁸,
где ночь "еще блистательнее. Какое-то странное, упои-
тельное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще
не случалось ему видеть подобного" (ср. открывшееся мис-
тическое/внутреннее видение Хомы Брута в полете).
Здесь: "серебряный туман", 'чистота', 'ясность', "блестящие

очи, тихо светившие", "стекла сияли", "позолота", "блеск месяца", "водное зеркало", мотивы отражения в воде и 'аромата' и т.д. В соответствии с метафизическими представлениями 'сияние' и 'свет' здесь исходят как бы из глубины *"неподвижных вод пруда"*, из 'темноты' потустороннего мира бытия. В этой связи значимо указание на "взгляд" Левко, переселяющий его в глубину пруда. Переселение Левко в глубину пруда (ср. в "Сорочинской ярмарке" Параску на мосту) - типично мистический прием выходления из себя в мистическую 'глубину', акт мистического приобщения через зрение к скрытой сущности. Это приобщение делает актуальными категории зрения и знания (рас-по-знать), обычно сочетающиеся с водой/зеркалом²⁹. В свою очередь, появлению воды/зеркала сопутствуют задумчивость (= утрате эмпирического Я) и мотив сна, который у Гоголя соотносится с проникновением в 'иной' мир и изофункционален зеркалу.

Этот мистический переход знаменует встречу с метафизическими душой. В мистическом мире Тихой Вечности Левко открывается тайна ясной панночки-'плененной души' Софии, которую он освобождает из плена, взамен получая санкцию на брак с *"ясной"* Ганной/Софиеей'. Таким образом, Левко проходит мистическую инициацию и водное 'крещение', обретает душу, что является условием его брака.

Зов Тихой Вечности

Если об описании любовного союза неба и земли в "Сорочинской ярмарке" можно говорить как о языке Натуры (в духе Арндта), а о сновидении Левко в "Майской ночи" как об откровении Тихой Вечности вне Натуры и мистическом приобщении к ней, то пример из "Старосветских помешников" позволяет говорить о "языке Божественного молчания вне Натуры", что и является собой "на-